Л. Н. ТОЛСТОЙ
РАССКАЗ АЭРОНАВТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Л. Н. ТОЛСТОЙ

РАССКАЗ АЭРОНАВТА

РАССКАЗЫ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1978

Р1
Т53

Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой в 1859 году открыл школу для крестьянских детей в своём имении Ясная Поляна. Толстой считал необходимым уже в начальной школе давать детям широкие знания.

В его школе дети изучали двенадцать предметов: чтение, письмо, грамматику, русскую историю, математику, рисование, беседы из естественных наук, черчение, пение и другие.

Учебники для своей школы Л. Н. Толстой написал сам. В нашей книге мы и печатаем рассказы из учебных книг Л. Н. Толстого.

Художник В. Освер

Т $\frac{70802-476}{М101(03)78}$ 132—78

ОТ СКОРОСТИ СИЛА

Один раз машина ехала очень скоро по железной дороге. А на самой дороге, на переезде, стояла лошадь с тяжёлым возом. Мужик гнал лошадь через дорогу, но лошадь не могла сдвинуть воз, потому что заднее колесо соскочило. Кондуктор закричал машинисту: «Держи», но машинист не послушался.

Он смекнул, что мужик не может ни согнать лошадь с телегой, ни своротить её и что машины сразу остановить нельзя. Он не стал останавливать, а самым скорым ходом пустил машину и во весь дух налетел на телегу. Мужик отбежал от телеги, а машина, как щепку, сбросила с дороги телегу и лошадь, а сама не тряхнулась, пробежала дальше. Тогда машинист сказал кондуктору:

«Теперь мы только убили одну лошадь и сломали телегу, а если бы я тебя послушал, мы сами бы убились и перебили бы всех пассажиров. На скором ходу мы сбросили телегу и не слыхали толчка, а на тихом ходу нас бы выбросило из рельсов».

AU V EUX ROU

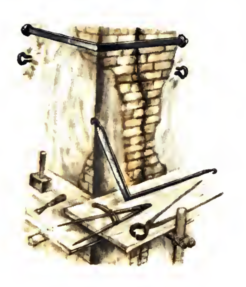
КАК В ГОРОДЕ ПАРИЖЕ[1] ПОЧИНИЛИ ДОМ

В одном большом доме разошлись врозь стены. Стали думать, как их свести так, чтобы не ломать крыши. Один человек придумал. Он вделал с обеих сторон в стены железные ушки; потом сделал железную полосу, такую, чтобы она на вершок[2] не хватала от ушка до ушка. Потом загнул на ней крюки по концам так, чтобы крюки входили в ушки. Потом разогрел полосу на огне; она раздалась и достала от ушка до ушка. Тогда он задел крюками за ушки и оставил её так. Полоса стала остывать и сжиматься и стянула стены.

[1] Париж — главный город у французов. *(Примеч. Л. Н. Толстого.)*

[2] Вершо́к — старинная мера длины, около 4,4 см.

САН-ГОТАРДСКАЯ СОБАКА

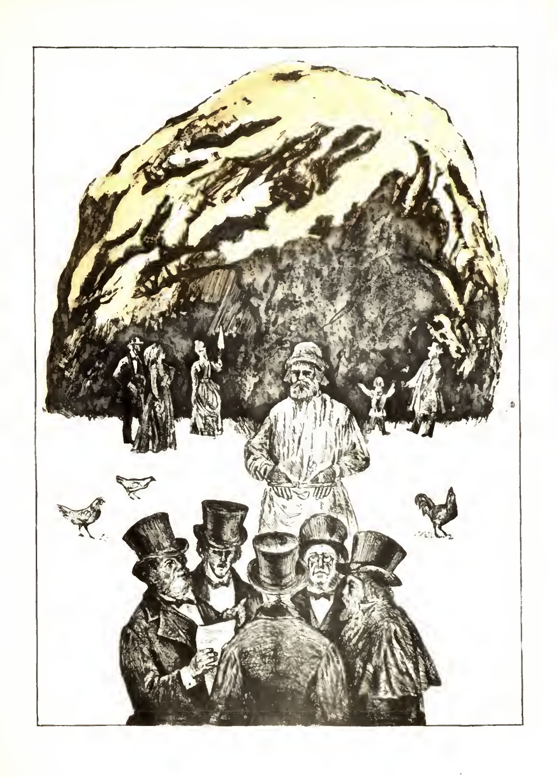
(ОПИСАНИЕ)

Есть рядом две земли: Швейцария и Италия. Между этими двумя землями есть горы Альпы. Горы эти так высоки, что снег на них никогда не тает. По дороге из Швейцарии в Италию надо переходить через эти горы. Дорога идёт через гору Сан-Готард. На самом верху этой горы, на дороге построен монастырь. И в этом монастыре живут монахи. Монахи эти молятся богу и пускают к себе дорожных людей на отдых и на ночлег. На Сан-Готарде всегда бывает пасмурно; летом туман, и ничего не видно. А зимой бывают такие метели, что на пять аршин[1] заносит снегом. И проезжие и прохожие часто замерзают в эти метели. У монахов есть собаки. И собаки эти приучены отыскивать в снегу людей.

Один раз по дороге в Швейцарию шла женщина с ребёночком. Началась метель; женщина сбилась с дороги, села в снегу и застыла. Монахи вышли с собаками и нашли женщину с ребёночком. Монахи отогрели ребёночка и выкормили. А женщину они принесли уже мёртвую и похоронили у себя в монастыре.

---

[1] Арши́н — старинная мера длины, немногим менее метра.

КАК МУЖИК УБРАЛ КАМЕНЬ

На площади в одном городе лежал огромный камень. Камень занимал много места и мешал езде по городу. Призвали инженеров и спросили их, как убрать этот камень и сколько это будет стоить.

Один инженер сказал, что камень надо разбивать на куски порохом и потом по частям свезти его, и что это будет стоить восемь тысяч рублей; другой сказал, что под камень надо подвести большой каток и на катке свезти камень, и что это будет стоить шесть тысяч рублей.

А один мужик сказал: «А я уберу камень и возьму за это сто рублей».

У него спросили, как он это сделает. И он сказал: «Я выкопаю подле самого камня большую яму; землю из ямы развалю по площади, свалю камень в яму и заровняю землёю».

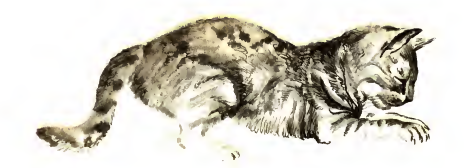
Мужик так и сделал, и ему дали сто рублей и ещё сто рублей за умную выдумку.

НА ЧТО НУЖНЫ МЫШИ

У меня был молодой сад. Весною я пошёл смотреть свои яблони и увидел, что мыши кругом объели их корни, так что вокруг каждой яблони кора была съедена, как белое кольцо.

Яблони были хорошие и свежие. На всех были цветовые почки. Все бы они цвели и дали бы плод, а теперь я знал, что они пропадут, потому что сок в деревьях ходит по коре,

как в человеке кровь ходит по жилам. Мне живо жалко было смотреть на мои яблони, и я пошёл домой, и рассказал деду своё горе, и как бы я побил всех мышей на свете, если бы моя сила была... А дед сказал мне:

— Если бы твоя сила была побить мышей, ты знаешь, кто бы тебя пришёл просить за них.

Я сказал:

— Некому просить за них, они никому не нужны.

А дед сказал:

— Первые пришли бы кошки и стали бы просить за мышей. Они сказали бы: «Если ты сожжёшь мышей, нам будет есть нечего». Потом пришли бы лисицы и тоже просили. Они сказали бы: «Без мышей нам надо будет красть кур и цыплят». После лисиц пришли бы тетерева и куропатки и тоже просили бы тебя не убивать мышей.

Я удивился: зачем куропаткам и тетеревам мышей, но дед сказал:

— Им мыши нужнее всего на свете. Они не едят их, но если ты мышей погубишь, лисицам будет есть нечего, они разорят куропачьи и тетеревиные гнёзда. Все мы на свете друг другу нужны.

N
NE
E
SE
S
SW
W
NW

МАГНИТ

I.

В старину был пастух: звали его Магнис. Пропала у Магниса овца. Он пошёл в горы искать. Пришёл на одно место, где одни голые камни. Он пошёл по этим камням и чувствует, что сапоги на нём прилипают к этим камням. Он потрогал рукой — камни сухие и к рукам не липнут. Пошёл опять,— опять сапоги прилипают. Он сел, разулся, взял сапог в руки и стал трогать им камни.

Тронет кожей и подошвой — не прилипает, а как тронет гвоздями, так прилипнет.

Была у Магниса палка с железным наконечником. Он тронул камень деревом — не прилипает; тронул железом — прилипло так, что отрывать надо.

Магнис рассмотрел камень, видит, что похож на железо, и принёс куски камня домой. С тех пор узнали этот камень и прозвали его магнитом.

МАГНИТ

II.

Магнит находят в земле с железной рудой. Там, где есть магнит в руде, и железо самое лучшее. Из себя магнит похож на железо.

Если положить кусок железа на магнит, то и железо станет притягивать другое железо. А если положить стальную иголку на магнит да подержать подольше, то иголка сделается магнитом и станет к себе притягивать железо. Если два магнита сводить концы с концами, то одни концы будут отворачиваться друг от друга, а другие будут сцепляться.

Если одну магнитную палочку разрубить пополам, то опять каждая половинка будет с одной стороны цепляться,

а с другой отворачиваться. И ещё разруби — то же будет, и ещё руби сколько хочешь,— всё то же будет: одинакие концы будут отворачиваться, разные цепляться, как будто с одного конца магнит выпирает, а с другого втягивает. И как его ни разломи, всё с одного конца он будет выпирать, а с другого втягивать. Всё равно, как еловую шишку, где ни разломи, всё будет с одного конца пупом, а с другого чашечкой. С того ли, с другого ли конца,— чашечка с пупом сойдётся, а пуп с пупом и чашечка с чашечкой не сойдутся.

МАГНИТ

III

Если намагнитить иголку (подержать подольше с магнитом), и насадить её серединкой на шпенёк так, чтобы она ходила вольно на шпеньке, то как хочешь верти магнитную иголку, как пустишь — она станет одним концом на полдни (юг), другим — на полночь (север).

Когда не знали магнита, по морю не плавали далеко. Как выйдут далеко в море, что земли не видать, то только по солнцу и по звёздам и знали, куда плыть. А если пасмурно, не видать солнца и звёзд, то и не знают сами, куда плыть. А корабль несёт ветром и занесёт на камни и разобьёт.

Пока не знали магнита, не плавали по морям вдаль от берега; а когда узнали магнит, то сделали иголку магнитную на шпеньке, чтоб она вольно ходила. По этой иголке и стали узнавать, в какую сторону плывут. С магнитной иголкой стали ездить дальше от берегов и с тех пор много новых морей узнали.

На кораблях всегда бывает магнитная иголка (компас) и есть мерная верёвка с узлами на конце корабля. И верёвка приделана так, что она разматывается и по ней видно, сколько корабль проехал.

Так что, когда плывут на корабле, всегда знают, на каком теперь месте корабль, далеко ли от берега и в какую сторону.

ОТЧЕГО В МОРОЗЫ ТРЕЩАТ ДЕРЕВЬЯ?

Оттого, что в деревьях есть сырость, и сырость эта замерзает, как вода. Когда вода замёрзнет, она раздаётся; а когда ей нет места раздаться, она разрывает деревья.

Если налить воды в бутылку и поставить на мороз, вода замёрзнет и разорвёт бутылку.

Когда из воды делается лёд, то во льду этом такая сила, что если наполнить чугунную пушку водой и заморозить, то льдом разорвёт её.

Отчего вода не сжимается, как железо, от холода, а раздаётся, когда замёрзнет?

Оттого, что когда вода замёрзнет, её частицы связываются между собою по-другому и промеж них больше пустых мест.

Для чего вода не сжимается, когда замёрзнет?

Для того, чтобы вода в реках и озёрах не замёрзла до дна.

Лёд раздаётся от мороза, оттого делается легче воды и плавает на воде, и только снизу подмерзает и делается толще и толще, но никогда не замерзает до дна. А если бы вода сжималась от мороза, как сжимается железо, то верхняя вода замерзала бы на реке и тонула бы, потому что лёд был бы тяжелее воды. Потом опять бы замёрзла верхняя вода и тонула бы, и так замёрзли бы озёра и реки от дна и до верху.

СЫРОСТЬ

I

Отчего паук иногда делает частую паутину и сидит в самой середине гнезда, а иногда выходит из гнезда и выводит новую паутину?

Паук делает паутину по погоде, какая есть и какая будет. Глядя на паутину, можно узнать, какая будет погода; если паук сидит, забившись в середине паутины, и не выходит — это к дождю. Если он выходит из гнезда и делает новые паутины, то это к погоде.

Как может паук знать вперёд, какая будет погода?

Чувства у паука так тонки, что когда в воздухе начнёт только собираться сырость, и мы этой сырости не слышим, и для нас погода ещё ясная,— для паука уже идёт дождь.

Точно так же, как и человек раздетый сейчас почувствует сырость, а одетый не заметит её, так и для паука идёт дождь, когда для нас он только собирается.

СЫРОСТЬ

II

Отчего осенью и зимою двери разбухают и не затворяются, а летом ссыхаются и притворяются?

Оттого, что осенью и зимой дерево насытится водой, как губка, и его разопрёт, а летом вода выйдет паром, и оно съёжится.

Отчего слабое дерево — осина — больше разбухает, а дуб меньше?

Оттого, что в крепком дереве,— дубе,— пустого места меньше и воде не́куда набраться, а в слабом дереве — осине пустого места больше и воде есть куда набраться.

В гнилом дереве ещё больше пустого места, и оттого гнилое дерево больше всего разбухает и больше садится.

Колоды для пчёл делают из самого слабого и гнилого дерева: самые лучшие улья бывают из гнилой лозины. Отчего это? Оттого, что через гнилую колоду проходит воздух, и для пчёл в такой колоде воздух легче.

Отчего доски коробятся?

Оттого, что неровно сохнут. Если приставить сырую доску одной стороной к печке, вода выйдет и дерево сожмётся с этой стороны и потянет за собой другую сторону; а сырой стороне сжаться нельзя, потому что в ней вода,— и вся доска погнётся.

Для того, чтобы не коробились полы, их режут из сухих досок на куски, и куски эти вываривают в кипятке. Когда из них вода вся выкипит, их клеят, и они уже не коробятся (паркет).

ДЛЯ ЧЕГО ВЕТЕР?

Свяжут крест из двух лучин и кругом креста обвяжут ещё четыре лучины. На все наклеят бумаги. К одному концу привяжут мочальный хвост, а к другому привяжут длинную бечёвку, и выйдет змей. Потом возьмут змей, разбегутся на ветер и пустят. Ветер подхватит змей, занесёт его высоко в небо. И змей подрагивает, и гудит, и рвётся, и поворачивается, и развевается мочальным хвостом.

Если бы не было ветра, нельзя бы было пускать змея.

Сделают из тёса[1] четыре крыла, утвердят их крестом в вал и приделают к валу шестерни и колёса с кулачьями, так чтобы, когда вал вертится, он бы цеплял за шестерни и колёса, а колёса бы вертели жёрнов. Потом крылья поставят против ветра: крылья начнут вертеться, станут шестерни и колёса цеплять друг за друга, и жёрнов станет вертеться на другом жёрнове. И тогда сыплют зерно промежду двух жерновов; зерно растирается, и высыпается в ковш мука.

Если бы ветра не было, нельзя бы было молоть зерно на ветряных мельницах.

Когда плывут на лодке и хотят плыть скорее, то возьмут на середине лодки вставят в дыру большой шест мачты; к шесту этому приделана верёвка и поперёк перекладина. К этой перекладине привяжут холстинный парус, к низу паруса привяжут верёвку и держат её в руках. Потом поставят паруса против ветра. И тогда ветер надует парус так крепко, что лодка нагибается набок, верёвка рвётся из рук; и лодка поплывёт по ветру так скоро, что под носом лодки забурчит вода, и берега точно бегут назад мимо лодки.

Если бы не было ветра, нельзя бы было плавать с парусом.

---

[1] Тёс — обструганные доски.

Там, где люди живут, бывает дурной дух; если бы не было ветра, дух этот так и оставался бы. А придёт ветер, разгонит дурной дух и принесёт из лесов и с полей хороший, чистый воздух. Если бы не было ветра, люди бы надышали и испортили воздух. Воздух всё бы стоял на месте, и людям надо бы уходить из того места, где они надышали.

Когда дикие звери ходят по лесам и полям, то они всегда ходят на ветер, и слышат ушами, и чуют носом то, что́ впереди их. Если бы не было ветра, они бы не знали, куда им идти.

Почти все травы, кусты и деревья такие, что для того, чтобы на траве, кусте или дереве завязалось семя, нужно, чтоб с одного цветка пыль перелетала на другой цветок. Цветки бывают далеко друг от друга, и им нельзя пересылать свою пыль с одного на другой.

Когда огурцы растут в парниках, где ветра нет, тогда люди сами срывают один цветок и накладывают на другой, чтобы цветовая пыль попала на плодовой цветок и была бы завязь. Пчёлы и другие насекомые иногда переносят на лапках пыль с цветка на цветок, но больше всего пыль эту переносит ветер. Если бы не было ветра, половина растений была бы без семени.

В тёплое время над водой поднимается пар. Пар этот поднимается выше, и когда остынет наверху, то падает вниз каплями дождя.

Над землёй поднимается пар только там, где есть вода,— над ручьями, над болотами, над прудами и реками: больше всего над морем. Если бы ветру не было, пары не ходили бы, а собирались бы в тучи над водой и падали бы опять там, где поднялись. Над ручьём, над болотом, над рекой, над морем был бы дождь, и на земле, на полях и лесах дождя бы не было. Ветер разносит тучи и поливает землю. Если бы ветра не было, то где вода, там бы было больше воды, а земля вся бы пересохла.

КАК ДЕЛАЮТ ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ

Если взять надутый пузырь и опустить его в воду, а потом пустить,— то пузырь выскочит на верх воды и станет по ней плавать. Точно так же, если кипятить чугун воды,— то на дне, над огнём, вода делается летучею, газом; и как соберётся пар, немножко водяного газа, он сейчас пузырём выскочит наверх. Сперва выскочит один пузырь, потом другой, а как нагреется вся вода, то пузыри выскакивают не переставая; тогда вода *кипит.*

Так же, как из воды выскакивают наверх пузыри, надутые летучею водой, потому что они легче воды,— так из воздуха выскочит на самый верх воздуха пузырь, надутый газом — *водородом,* или горячим воздухом, потому что горячий воздух легче холодного воздуха,— а водород легче всех газов.

Воздушные шары делают из водорода и из горячего воздуха. Из водорода шары делают вот как: сделают большой пузырь, привяжут его верёвками к кольям и напустят в него водорода. Как только отвяжут верёвку, пузырь полетит кверху, и летит до тех пор, пока не выскочит из воздуха того,

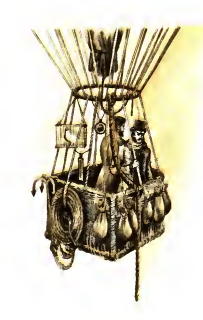
который тяжеле водорода. А когда выскочит наверх, в лёгкий воздух, то начнёт плавать по воздуху, как пузырь на воде. Из горячего воздуха делают воздушные шары вот как: сделают большой пустой шар с горлышком внизу, как перевёрнутый кувшин, и в горлышке приделают клок хлопка, и хлопок этот намочат в спирте и зажгут. От огня разогреется воздух в шаре и станет легче воздуха холодного, и шар потянет кверху, как пузырь из воды. И шар будет лететь до тех пор кверху, пока не придёт воздух легче горячего воздуха в шаре.

Почти сто лет тому назад французы — братья Монгольфьеры — выдумали воздушные шары. Они сделали шар из полотна с бумагой, напустили в него горячего воздуха: шар полетел. Тогда они сделали другой шар побольше, подвязали под шар барана, петуха и утку, и пустили. Шар поднялся и опустился благополучно. Потом уже подделали под шар лодочку, и в лодочку сел человек. Шар взлетел так высоко, что скрылся из виду; полетал и потом спустился благополучно. Потом придумали наполнять шары водородом и стали летать ещё выше и скорее.

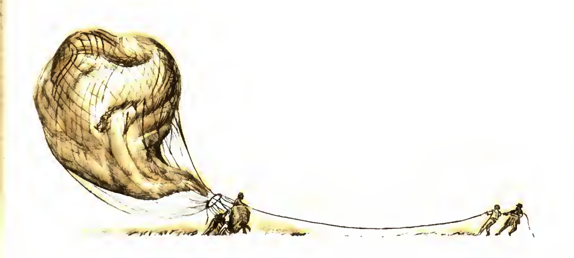

Для того, чтобы летать на шару, подвязывают под него

лодочку, и в эту лодочку са- дятся по двое, по трое и даже по восьми человек и берут с собою питьё и еду.

Для того, чтобы спускаться и подниматься, когда хочешь, в шару сделан клапан, и этот клапан тот, кто летит, может за верёвку потянуть и откры- вать и закрывать. Если шар слишком высоко поднимется, и кто летит, хочет спустить его, то он откроет клапан, газ выйдет, шар сожмётся и ста- нет спускаться. Кроме того, на шару всегда есть мешки с пе- ском. Если сбросить мешок, то шару будет легче, и он пойдёт кверху. Если кто летит, хочет спуститься и видит, что внизу неладно,— или река или лес, то он высыпает песок из меш- ков, и шар становится легче и опять поднимается.

РАССКАЗ АЭРОНАВТА

Народ собрался смотреть на то, как я полечу. Шар был готов. Он подрагивал, рвался вверх на четырёх канатах и то морщился, то надувался. Я простился с своими, сел в лодку, осмотрел, все ли мои припасы были по местам, и закричал: «Пускай!» Канаты подрезали, и шар поднялся кверху, сначала тихо — как жеребец сорвался с привязи и оглядывался,— и вдруг дёрнул кверху и полетел так, что дрогнула и закачалась лодка, внизу захлопали в ладоши, закричали и замахали платками и шляпами. Я взмахнул им шляпой и не успел опять надеть её, как уж я был так высоко, что с трудом мог разобрать людей. Первую минуту мне стало жутко, и мороз пробежал по жилам; но потом вдруг так стало весело на душе, что я забыл бояться. Мне уж чуть слышен был шум в городе. Как пчёлы шумел народ внизу. Улицы, дома, река, сады в городе виднелись мне внизу, как на картинке. Мне казалось, что я царь над всем городом и народом, — так мне весело было наверху. Я шибко поднимался кверху, только подрагивали верёвки в лодке, да раз налетел на меня ветер, перевернул меня два раза на месте; но потом опять не слышать было, лечу ли я, или стою на месте. Я только потому замечал, что лечу кверху, что всё меньше и меньше становилась подо мной картинка города и дальше становилось видно. Земля точно росла подо мной, становилась шире и шире, и вдруг я заметил, что земля подо мной стала как чашка. Края были выпуклые,— на дне чашки был город. Мне веселее и веселее становилось. Весело и легко было дышать и хотелось петь. Я запел, но голос мой был

такой слабый, что я удивился и испугался своему голосу.

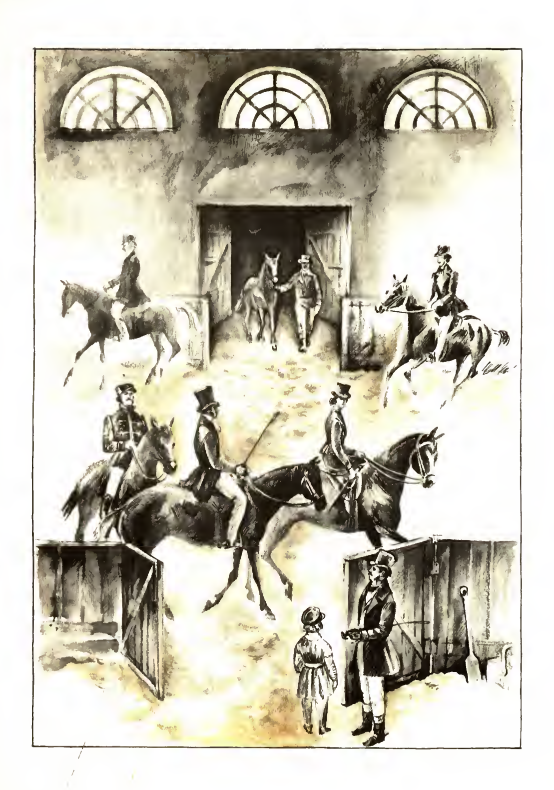
Солнце ещё стояло высоко, но на закате тянулась туча,— и вдруг она закрыла солнце. Мне опять стало жутко, и я, чтоб заняться чем-нибудь, достал барометр и посмотрел на него, и по нём узнал, что я поднялся уже на четыре версты[1]. Когда я клал на место барометр, что-то затрепыхалось около меня, и я увидал голубка. Я вспомнил, что взял голубка затем, чтобы спустить его с записочкой вниз. Я написал на бумажке, что я жив и здоров, на четырёх верстах высоты, и привязал бумажку к шее голубя. Голубь сидел на краю лодки и смотрел на меня своими красноватыми глазами. Мне казалось, что он просил меня, чтобы я не сталкивал его. С тех пор, как стало пасмурно, внизу ничего не было видно. Но нечего делать, надо было послать вниз голубя. Он дрожал всеми пёрышками, когда я взял его в руку. Я отвёл руку и бросил его. Он, часто махая крыльями, полетел боком, как камень, книзу. Я посмотрел на барометр. Теперь я уже был на пять вёрст над землёю и чувствовал, что мне воздуха мало, и я часто стал дышать. Я потянул за верёвку, чтобы выпустить газ и спускаться, но ослабел ли я, или сломалось что-нибудь,— клапан не открывался. Я обмер. Мне не слыхать было, чтобы я поднимался,— ничто не шевелилось, но дышать мне становилось всё тяжелее и тяжелее. «Если я не остановлю шар,— подумал я,— то он лопнет, и я пропал». Чтобы узнать, поднимаюсь ли я, или стою на месте,— я выбросил бумажки из лодки. Бумажки точно камни летели книзу. Значит, я, как стрела, летел кверху. Я изо всех сил ухватился за верёвку и потянул. Слава богу,— клапан открылся, засвистало что-то. Я выбросил ещё бумажку,— бумажка полетела около меня и поднялась. Значит, я опускался. Внизу всё ещё ничего не было видно, только как море тумана расстилалось надо мной. Я спустился в туман: это были тучи. Потом подул ветер, понёс меня куда-то, и скоро выглянуло солнце, и я увидал под собой опять чашку земли. Но не было ещё нашего города, а какие-то леса и две синие

[1] В е р с т а́ — старинная мера длины, немногим более километра.

полосы — реки. Опять мне радостно стало на душе и не хотелось спускаться; но вдруг что-то зашумело подле меня, и я увидел орла.

Он удивлёнными глазами поглядел на меня и остановился на крыльях. Я, как камень, летел вниз. Я стал скидывать балласт, чтобы задержаться.

Скоро мне стали видны поля, лес и у леса деревня, и к деревне идёт стадо. Я слышал голоса народа и стада. Шар мой спускался тихо. Меня увидали. Я закричал и бросил им верёвки. Сбежался народ. Я увидел, как мальчик первый поймал верёвку. Другие подхватили, прикрутили шар к дереву, и я вышел. Я летал только три часа. Деревня эта была за двести пятьдесят вёрст от моего города.

КАК Я ВЫУЧИЛСЯ ЕЗДИТЬ ВЕРХОМ

Когда я был маленький, мы каждый день учились, только по воскресеньям и по праздникам ходили гулять и играли с братьями. Один раз батюшка сказал:

— Надо старшим детям учиться ездить верхом. Послать их в манеж.

Я был меньше всех братьев и спросил:

— А мне можно учиться?

Батюшка сказал:

— Ты упадёшь.

Я стал просить его, чтоб меня тоже учили, и чуть не заплакал.

Батюшка сказал:

— Ну, хорошо, и тебя тоже. Только смотри не плачь, когда упадёшь. Кто ни разу не упадёт с лошади, не выучится верхом ездить.

Когда пришла середа, нас троих повезли в манеж. Мы вошли на большое крыльцо, а с большого крыльца прошли на маленькое крылечко. А под крылечком была очень бо́льшая комната. В комнате вместо пола был песок. И по этой комнате ездили верхом господа и барыни и такие же мальчики, как мы. Это и был манеж. В манеже было не совсем светло и пахло лошадьми, и слышно было, как хлопают бичами, кричат на лошадей, и лошади стучат копытами о деревянные стены. Я сначала испугался и не мог ничего рассмотреть. Потом наш дядька[1] позвал берейтора[2] и сказал:

— Вот этим мальчикам дайте лошадей, они будут учиться ездить верхом.

---

[1] Дядька — крепостной, приставленный для ухода и надзора за мальчиком. В помещичьих семьях мальчики лет с пяти-шести переходили от няньки к дядьке.

[2] Бере́йтор — обучающий верховой езде и выезжающий верховых лошадей.

Берейтор сказал:

— Хорошо.

Потом он посмотрел на меня и сказал:

— Этот мал очень.

А дядька сказал:

— Он обещает не плакать, когда упадёт.

Берейтор засмеялся и ушёл.

Потом привели трёх осёдланных лошадей: мы сняли шинели и сошли по лестнице вниз в манеж, берейтор держал лошадь за корду[1], а братья ездили кругом него.

Сначала они ездили шагом, потом рысью. Потом привели маленькую лошадку. Она была рыжая, и хвост у неё был обрезан. Её звали Червончик. Берейтор засмеялся и сказал мне:

— Ну, кавалер, садитесь.

Я и радовался, и боялся, и старался так сделать, чтоб никто этого не заметил. Я долго старался попасть ногою в стремя, но никак не мог, потому что я был слишком мал. Тогда берейтор поднял меня на руки и посадил. Он сказал:

— Не тяжёл барин,— фунта два, больше не будет.

Он сначала держал меня за руку, но я видел, что братьев не держали, и просил, чтобы меня пустили. Он сказал:

— А не боитесь?

Я очень боялся, но сказал, что не боюсь. Боялся я больше оттого, что Червончик всё поджимал уши. Я думал, что он на меня сердится. Берейтор сказал:

— Ну, смотрите ж, не падайте! — и пустил меня.

Сначала Червончик ходил шагом, и я держался прямо. Но седло было скользкое, и я боялся свернуться.

Берейтор меня спросил:

— Ну, что, утвердились?

Я ему сказал:

— Утвердился.

— Ну, теперь рысцой! — и берейтор защёлкал языком.

---

[1] Ко́рда — верёвка для того, чтобы по кругу гонять лошадей. (Примеч. Л. Н. Толстого.)

Червончик побежал маленькой рысью, и меня стало подкидывать. Но я всё молчал и старался не свернуться на бок. Берейтор меня похвалил:

— Ай да кавалер, хорошо!

Я был очень этому рад.

В это время к берейтору подошёл его товарищ и стал с ним разговаривать, и берейтор перестал смотреть на меня.

Только вдруг я почувствовал, что я свернулся немножко на бок с седла. Я хотел поправиться, но никак не мог. Я хотел закричать берейтору, чтоб он остановил; но думал, что будет стыдно, если я это сделаю, и молчал. Берейтор не смотрел на меня. Червончик всё бежал рысью, и я ещё больше сбился на бок. Я посмотрел на берейтора и думал, что он поможет мне; а он всё разговаривал с своим товарищем и, не глядя на меня, приговаривал:

— Молодец, кавалер!

Я уже совсем был на боку и очень испугался. Я думал, что я пропал. Но кричать мне стыдно было. Червончик тряхнул меня ещё раз, я совсем соскользнул и упал на землю. Тогда Червончик остановился, берейтор оглянулся и увидал, что на Червончике меня нет. Он сказал:

— Вот-те на! свалился кавалер мой,— и подошёл ко мне.

Когда я ему сказал, что не ушибся, он засмеялся и сказал:

— Детское тело мягкое.

А мне хотелось плакать. Я попросил, чтобы меня опять посадили; и меня посадили. И я уж больше не падал.

Так мы ездили в манеже два раза в неделю, и я скоро выучился ездить хорошо и ничего не боялся.

СОДЕРЖАНИЕ

Толстой Л. Н.

Т53 Рассказ аэронавта: Рассказы / Рис. В. Освера. — М.: Дет. лит., 1978. — 32 с., ил. (Школьная б-ка).

10 к.

В книге рассказы: «Как в городе Париже починили дом», «Отчего в морозы трещат деревья», «Как делают воздушные шары», «Рассказ аэронавта» и другие из учебных книг Л. Н. Толстого.

Т $\frac{70802-476}{М101(03)78}$ 132—78

Р1

10 коп.

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ
ТОЛСТОЙ

РАССКАЗ АЭРОНАВТА

ИБ № 2093

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР Г. И. ГУСЕВА
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. Г. НАЙДЕНОВА
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР Н. Д. ЛАУКУС
КОРРЕКТОР Г. В. РУСАКОВА

СДАНО В НАБОР 12/V 1978 Г.
ПОДПИСАНО К ПЕЧАТИ 21/IX 1978 Г.
ФОРМАТ 70Х100/16. БУМ. ОФСЕТНАЯ № 1.
ШРИФТ ОБЫКНОВЕННЫЙ
ПЕЧАТЬ ОФСЕТНАЯ
УСЛ. ПЕЧ. Л. 2,6. УЧ.-ИЗД. Л. 1,76.
ТИРАЖ 2 000 000 ЭКЗ. ЗАКАЗ № 384.
ЦЕНА 10 КОП.
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА».
МОСКВА, ЦЕНТР, М. ЧЕРКАССКИЙ ПЕР., 1.
КАЛИНИНСКИЙ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ПОЛИГРАФКОМБИНАТ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. 50-ЛЕТИЯ СССР
РОСГЛАВПОЛИГРАФПРОМА
ГОСКОМИЗДАТА
СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР.
КАЛИНИН, ПРОСПЕКТ 50-ЛЕТИЯ
ОКТЯБРЯ, 46.